

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ГРАММАТИЧЕСКИХ СИСТЕМ ЭСПЕРАНТО И РУССКОГО, ИТАЛЬЯНСКОГО, АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Гуляй А.В.

Белорусский государственный университет

Аннотация. Оценка степени жизнеспособности искусственного языка эсперанто в современном языковом пространстве во многом опирается на результаты компаративного анализа эсперанто и естественных языков, позволяющего акцентировать особенности строения и функционирования искусственного образца, а также дать качественную оценку их конструктивности. Объект внимания настоящей статьи – грамматическое строение языка, представляющее целостную структурную организацию имеющегося языкового потенциала. Различия в сложности грамматического устройства языков, а также общая узнаваемость грамматических конструкций в процессе изучения – важные факторы, влияющие на степень их грамматической близости. Она, в свою очередь, будет обуславливать скорость и глубину взаимодействия носителей языков, уровень сложности их освоения, а также (в силу близости с лексической системой) – степень лёгкости и беспрепятственности, с которой заимствования из одного языка будут переходить в другой и адаптироваться в нём.

Ключевые слова: искусственный язык, эсперанто, русский язык, английский язык, итальянский язык, компаративный анализ, грамматическая система языка, морфология, синтаксис, синтетические и аналитические языки, агглютинативные и фузионные языки.

Центральные составляющие грамматической системы языка – морфология и синтаксис, обуславливают, соответственно, оформление морфологической и синтаксической типологических классификаций, в рамках которых будет проведено настоящее исследование.

«В морфологической типологии (а это хронологически первая и наиболее разработанная область типологических исследований) принимаются во внимание, во-первых, способы выражения грамматических значений и, во-вторых, характер соединения в слове его значимых частей (морфем). В зависимости от способов выражения грамматических значений различают *синтетические и аналитические языки*. В зависимости от характера соединения морфем различают *агглютинативные и фузионные языки*» [3, с. 251].

Рассматриваемые нами образцы являются примерами различных категорий: так, все славянские языки, включая русский, представляют собой языки синтетического типа; английский, а также все романские языки, включая итальянский, относятся к языкам аналитического строя. Сложнее обстоят дела с идентификацией языковой структуры эсперанто, комбинирующей в себе синтетические и аналитические элементы и вызывающей неоднозначную оценку лингвистов. К явным признакам синтетизма отнесем: а) четкое заключение указания грамматического значения внутри слова посредством наличия в словах однозначного корня, суффикса, окончания (например, каждая часть речи обладает собственным уникальным окончанием) и б) соответственно практически нефиксированный порядок слов в предложении. К аналитическим, в свою очередь, – важную роль а) предлогов (передают падежные отношения), б) артиклей и в) вспомогательных глаголов в выражении грамматического значения.

Неоднозначность проведения границы обусловлена, на наш взгляд, также и различным *характером синтетичности*, наблюдающимся в естественных языках и эсперанто, где первые демонстрируют принадлежность к определенной грамматической категории преимущественно *в динамике синтетических элементов*

(парадигма спряжения глагола или склонения существительного), а эсперанто – в *статичности своей грамматической формы*, репрезентируемой посредством наличия всегда однозначного грамматического элемента¹. Отметим далее и повышенное стремление языка к упорядочиванию выражаемых им значений, воплощающееся в рождении концептуально новых грамматических форм, *существующих на стыке лексики и грамматики*. Еще одной особенностью становится действующий в эсперанто и уже упоминаемый нами *принцип необходимости и достаточности*, избегающий повторного (=лишнего) выражения конкретного грамматического значения². Сочетание синтетизма и аналитизма наблюдается, таким образом, даже в контексте одной грамматической парадигмы и представляет, тем самым, иной подход к оценке сложности грамматического строя языка: традиционно, синтетические языки представляются более сложными для освоения, в то время как аналитические – более лёгкими. Эсперанто же, строясь на принципе необходимости и достаточности и представляя абсолютно новый подход к языковому синтетизму, стремится к максимальному облегчению (конкретизации и минимализации) языковой структуры, органично *балансируя между различно уместными в каждом конкретном случае* аналитическими и синтетическими формами, количественно отдавая предпочтение первым.

Н. Б. Мечковская отмечает, что «При разработке эсперанто Л. Заменгоф опирался на материал языков синтетических и фузионных, однако в его грамматике преобладают аналитические

---

¹ Данное наблюдение не отрицает, тем не менее, наличия в эсперанто грамматических парадигм и указывает лишь на различия в их соотношении и грамматической важности в искусственном и естественных языках.

² Так, глагол «*читать*» выражает, посредством парадигмы спряжения, категории времени и склонения, но не выражает категории лица или числа, презентуемые, например, личным местоимением.

способы выражения значений, а эсперантское слово устроено *чисто агглютинативно*» [4, с. 188]. Естественные же языки, рассматриваемые в настоящем исследовании представляют собой, напротив, экземпляры фузионного строения, являя различную степень грамматической многозначности служебных морфем и представляя, тем самым, большую сложность для освоения неносителями. Отметим, вместе с тем, градацию вышепредставленных языков в соответствии со свойственной им степени флективности: фузионность преобладает в русском языке, агглютинация в большей степени присуща английскому языку как языку аналитическому (обозначим также аналитический характер итальянского языка). Условия сравнительной характеристики требуют, однако, отметить, что «Тенденция к агглютинативности и регулярности наблюдается и в словообразовании современного русского литературного языка» [2, с. 49], что не позволяет сбросить его со счетов, а лишь корректно расположить на шкале морфологической близости эсперанто. Весомости добавляет и убежденность некоторых лингвистов в том, что агглютинативная природа эсперанто есть, во многом, результат влияния русской аффиксационной системы [2, с. 51]. Данный вывод кажется закономерным в силу существенной языковой интерференции русского языка и эсперанто, а также замечания, что «... аффиксация в русском языке гораздо более развита, а морфемная членимость более отчетлива, чем в романских и германских языках, в которых аффиксация чаще представляет собой совокупность элементов структуры слова, чем совокупность активных дериваторов» [2, с. 52]. Примечательно, что корректность подобного предположения подтверждается замечаниями и самого создателя планового языка.

Вторым же фактором, призванным упорядочить влияние в какой-то степени хаотичной аффиксационной системы русского языка, называется *принцип регулярности*, выразившийся в закреплении за каждым аффиксом однозначности и исключительности формы и значения. «По аналогии этот принцип был распространен на корневые и реляционные морфемы, т.е. агглютинация на уровне словообразования была распространена *на весь уровень морфемки*» [2, с. 52]. Существенным представляется здесь окончательная констатация уже упоминаемого нами стремления эсперанто к презентации концептуально новых морфологических производительных элементов, фиксирующихся на стыке лексики и грамматики: «Эсперанто – максимально агглютинативный язык не только количественно ..., но и качественно: эсперантские деривационные и реляционные аффиксы не варьируют... и даже могут выступать в функции корней, образуя слова. **Лексическая самостоятельность аффиксов** является характерной чертой эсперанто, но спорадически она может проявляться и в этнических языках» [2, с. 49].

Подобный новаторский подход к грамматической системе в целом и её морфологической словообразовательной составляющей в частности усложняет возможность четкой реализации собственно компаративного анализа. С одной стороны, имеем основания расположить языки по шкале морфологической близости следующим образом: 1) эсперанто – 2) английский и итальянский языки (им, как аналитическим языкам, больше присуща агглютинативная структура) – 3) русский язык (лишь тяготеющий к агглютинатизму). С другой: 1) эсперанто – 2) русский язык (чей аффиксационный аппарат есть прямой источник эсперантской агглютинативности) – 3) английский и итальянский языки.

Процесс языковой интерференции происходит, в данном случае, на различных подуровнях морфологического яруса, а потому истинно верным представляется следующий вывод: эсперантская морфологическая структура избегает слепой приверженности единому разряду типологической классификации или специфике строения конкретного языка; рассматривая их на макроуровнях, она выбирает наиболее оптимальные с точки зрения их функционирования лингвистические элементы, ориентируясь на: а) наименее трудозатратное, но максимально продуктивное, а потому предельно грамотное сочетание грамматических форм → адекватное распределение нагрузки между способами выражения грамматических значений (имеется в виду несвойственное естественным языкам подобие равновесия между синтетизмом и аналитизмом, где существенное превалирование одного из уровней приведет к количественной перегрузке его элементов и повышенной сложности целостной языковой структуры).

Входя в сферу ответственности синтаксической типологической классификации и имея установку на анализ характера передачи субъектно-объектных отношений в языках, прежде всего отметим отсутствие какой-либо конкретной типологической информации на этот счёт в отношении эсперанто. Одновременно с этим, нам более чем очевидна принадлежность его, как и остальных рассматриваемых нами языков, к примерам *номинативного строя*. Уточнения в контексте проведения компаративного анализа требуют лишь тот факт, что естественные языки, как правило, отличаются различной (однако трудноизмеримой) степенью наличия в своей структуре конструкций эргативного типа, аномальных для языков номинативных. Данное уточнение в очередной раз указывает на несовершенство их грамматической структуры, способствующей

возникновению существенных трудностей при взаимодействии с языком. Одновременно с этим, мы не можем не отметить появление, в результате языковой интерференции, подобных новых конструкций и в эсперанто, нарушающих, с одной стороны, изначально закладываемые в систему языка принципы функционирования грамматических парадигм, но свидетельствующих, с другой, о возможностях языковой эволюции.

Важное внимание уделяется в контексте синтаксической типологической классификации и *типологии порядка слов*, выделяющей языки с *фиксированным* (они, как правило, соотносятся с языками аналитического строя) и *свободным* (соотносятся с языками синтетического строя) порядком слов. Необходимо, однако, заметить, что «оппозиция “фиксированный – свободный” порядок, даже если иметь в виду чисто грамматические функции словорасположения, – это отнюдь не жесткая дихотомия, а плавный континуум, с бесчисленными “отступлениями” от фиксированного порядка и столь же многочисленными “ограничениями” свободного словорасположения» [3, с. 264-265]. Так, среди рассматриваемых нами естественных языков приверженность к строго фиксированному порядку слов, отклонения от которого неизменно строго регламентированы, обнаруживает английский язык, нуждаясь в подобной фиксации как одном из средств выражения грамматического значения. Относительно нефиксированный порядок слов являет синтаксическое устройство итальянского языка; наконец наиболее свободный – структура русского. Она демонстрирует, тем самым, *наибольшую близость* искусственному языку: «...синтаксис эсперанто обладает генетикотипологической общностью с синтаксисом славянских языков, хотя совпадения всех деталей нет» [2, с. 112]. Эсперанто отличает в целом свободный

порядок слов, «основанный на наличии категории винительного падежа и полного согласования определения с определяемым» [2, с. 113], что, с точки зрения синтаксической типологии, позиционирует его как язык наименее синтаксически нормативный и, в связи с этим, более доступный для освоения неносителями.

Компаративный анализ синтаксических систем рассматриваемых нами языков даёт, таким образом, основания отметить в целом схожие принципы функционирования данного грамматического пласта в эсперанто и языках естественных, однако большую общность синтаксической структуры искусственного языка с русским. Среди всех анализируемых нами эсперанто выделяет, в конечном итоге, и отсутствие аномальных для его синтаксического типа элементов, что позволяет говорить о действительной точности и организованности грамматической структуры планового образца.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колкер, Б.Г. Вклад русского языка в формирование и развитие эсперанто: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.19 / Б.Г. Колкер; Академия наук СССР – М., 1985. – 10 с.

2. Колкер, Б.Г. Вклад русского языка в формирование и развитие эсперанто: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.19 / Б.Г. Колкер. – М., 1985. – 183 с.

3. Мечковская, Н.Б., Норман Б. Ю., Плотников Б. А., Супрун А. Е.; под общ. ред. Супруна А. Е. Общее языкознание: Структура языка. Типология языков и лингвистика универсалий: Учеб. пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Высш. шк., 1995. – 336 с.

4. Мечковская, Н.Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков: Учебное пособие для студентов филологических и лингвистических специальностей. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2001. – 312 с.